

Орест Сомов

Роман в двух письмах

Сомов Орест

Роман в двух письмах

Орест Михайлович Сомов

Роман в двух письмах

I

Здравствуй, любезный Александр! Весело ли проводишь ты свое время в Петербурге? Резвый мотылек, по-прежнему ль летаешь с дачи на дачу и от сердца к сердцу? Здоровы ли наши *plantes exotiques**, как ты называл этих милых провинциалочек, с их украинским произношением и огнедышащими взорами, бросаемыми исподлобья? Что до меня... но ты, верно, потребуешь от меня полной исповеди. Помню, очень помню, что перед отъездом я погрозил тебе длинным, предлинным письмом, а выполнить угрозу и доконать тебя сим тяжеловесным посланием.

Сюда прибыл я в самую лучшую пору, в половине мая, когда все здесь цвело: сады, леса, луга и щеки сельских красавиц. Смеешься ты и говоришь, что я делаюсь буколическим поэтом? Пожалуй, смейся; а я тебе докажу, что выражение мое точно как нельзя больше: лица поселянок именно цвели тогда веснушками и вешним загаром. К пенатам моим приехал я не на радость: дом ветх и скучен, сад за-

глох крапивой, а в дереvушке едва осталось душ тридцать налицо по последней ревизии. Мне грустно было там оставаться. Отслужив панихиду над могилами отца и матери, я тем же следом отправился верст за пятьдесят к дяде моему, принимавшему на себя родственное попечение о небольшом моем имениице во все четыре года, которые провел я за границей и в Петербурге по смерти отца моего. Дядя и все его семейство приняли меня с открытыми объятиями; а меньшие дети его - сказать правду - даже измучили меня своими поцелуями и ласками в первый вечер. Впрочем, в этот первый вечер все шло хорошо. Меня забросали вопросами о чужих краях, о новых модах, о том, с прикупкой или с вистом играют в бостон в Париже. Одна добрая старушка, родственница моей тетки, спрашивала, не заезжал ли я мимоездом в Иерусалим или на Афонскую гору? Я отвечал на все обстоятельно и благоразумно и за то удостоен был, особливо от тетки моей и доброй старушки, ее тетушки, названия человека степенного, солидного. Но на другой день лист совсем перевернулся: oiu? mon cher, j'ai fait

crier au scandale! И знаешь ли чем? Тем, что поутру вместо чаю потребовал стакан молока, а вместо сдобных сладких крендельков, которыми пекарня моей тетки славится за 20 верст в окружности, - кусок черного хлеба. "Можно ли! - вскрикнули в один голос моя тетушка, ее тетушка и четырнадцатилетняя моя кузинка, - можно ли в порядочном доме требовать себе мужицкого завтрака? Разве вы думаете, прости господи, что у нас и лакомого куска не сыщется про дорогого гостя?" Напрасно я извинялся закоренелую странническую моею привычкой: меня непременно посадили бы на сладко-ядение, когда бы дядя не подоспел ко мне на помощь и не выручил меня объявлением, что я в его доме могу жить как у себя, есть и пить, что мне вздумается.

Хочешь ли знать ежедневные мои занятия? В пять часов утра я встаю и отправляюсь к реке купаться. В полверсте от дома, под навесом ив, есть прекрасное приволье для любителей купанья. Ты знаешь, что с тех пор, как сиамец Лаури учил меня плаванью, я не уступлю в этом искусстве ни одному островитянину Тихого океана. Река, протекающая в

деревне моего дяди, глубока, быстра и довольно широка: ежедневно я совершаю на ней байроновский подвиг и сряду по нескольку раз переплываю этот стосажженный Геллес-понт. Жаль, что ни на одном берегу нет прекрасной Геро, которая ждала бы верного и раннего своего Леандра; или что по крайней мере, подобно Байрону, не могу я похвалиться в пленительных стихах моим удальством и простудной лихорадкой. После купанья часа два или три брожу я по рощам и полям и в ожидании Петрова дня натравливаю моего четвероногого Мельмота на крупных и мелких птичек. Молодой этот питомец так послушен и переимчив, что, когда я после иду с ним по деревне, он не оставляет без порядочной угонки ни одной курицы, ни одного цыпленка; и на днях еще старая Акулина, птичница моего дяди, всенародно приносила мне жалобу, что Мельмот, резвясь, задушил пары две утят и распугал весь утиный табор, введенный главному ее начальству. Я смеялся и оправдывал Мельмота молодостью и глупостью; но тетке моей, кажется, это оправдание было не по сердцу: она заметила мне, что та-

кую негодную собаку должно держать или взаперти, или на привязи. - Перескочи, если хочешь, через это отступление и читай далее. - В восемь часов являюсь я к завтраку, принимаюсь за свой черный хлеб с молоком и прехладнокровно выслушиваю неблагоприятные намеки моей тетушки и ее тетушки насчет моего вкуса или блески сельского остроумия молоденькой кузинки, которая, будучи рада случаю, не хочет оставаться в долгу на мои шутки над ее заученною чувствительностью, или, как у нас когда-то говаривали, сентиментальностью, и над ее провинциально-жеманным полудетским кокетством. После завтрака дядя водит меня по саду или по другим хозяйственным заведениям; толкует мне то и другое: я слушаю обоими ушами, хотя, признаться, ничто из хозяйственных наставлений дядюшки в них не залегает. Кажется, бог не создал меня ни агрономом, ни садоводцем, ни прочим и прочим, в чем полагается главное и существенное достоинство сельского помещика; да, кажется, я и не готовлю себя в члены их деятельного и трудолюбивого общества. Так время уплывает до обеда. В час

мы садимся за стол. После обеда и неизбежно-го кофе с густыми сливками три главы домо-чадцев уходят отдыхать, кухня мечтает за работой, дети бегать по саду, слуги дремать в передней либо шушукать с горничными; а я, взяв Мельмота и страннический мой посох-суковатую палку, снова пускаюсь бродить по окрестностям, иногда с книгой...

Не дивись и не бойся за меня: не думай, будто бы я, наперекор с молью, роюсь в старинной наследственной библиотеке дяди. Нет, мой друг! Я взял с собою из Петербурга порядочный запас разноязычных новостей всякого рода и когда устаю от прогулок, то, бросившись где-нибудь под тень дерева, прочитываю по несколько страничек из книги, которую своевольная судьба подсунет мне в руки. Сам я нарочно не выбираю и нахожу, что это гораздо лучше, ибо доставляет мне удовольствие неожиданности. Под вечер я возвращаюсь домой. Иногда застаю гостей, иногда не застаю даже и хозяев, которые уезжают посещать своих соседей. Тут, на свободе, начинаю резвиться с маленькими двоюродными моими братьями, выдумываю для

них новые игры, делаю огромных бумажных змеев, спускаю их, кричу, шумлю не меньше детей, - а время течет да течет.

В половине десятого мы ужинаем, а через час беспечный друг твой спит уже сном праведника.

Ты легко поймешь, что такая однообразная жизнь скоро приелась бы мне, как *le r te d'anguilles* доброго Лафонтеня; но, по счастью, у тетушки моей было наготове запасное средство против угрожавшей мне скуки и нравственной оскомины. Тетушка сама призналась мне, что давно уже, именно с тех пор, как узнала о моем желании побывать в здешнем краю, - она имела на меня виды: то есть стоворилась с одною своею соседкой и задушевною приятельницею женить меня на ее племяннице, семнадцатилетней девушке, по ее рассказам, прекрасной, благовоспитанной и единственной наследнице трехсот душ родового имения, да ста тысяч рублей от одной бабушки, да двадцати тысяч с порядочным поместьем - от другой; да к этому еще приданое, да безнаследные родственники, от которых к ней же должно все перейти со време-

нем... Короче, итог этих наследств, надежд на родственные похороны и тому подобного составляет порядочную сумму, от которой бы у иного жениха, а l'irlandaise,

Запрыгали глаза и зубы разгорелись; но я-ты меня знаешь: я не стяжатель. Притом же благовоспитанная невеста, живущая в восьмистах верстах от ближайшей столицы... Ох! Эти мне благовоспитанные сельские девушки! Того и жди, что на пальчиках ее подметишь копоть кухонной кастрюли, а на ногах экономические башмаки, сшитые домашним сапожником, учившимся своему ремеслу подобно Тришке. Того и жди, что эта нимфа полей и огородов, запрятав подбородок в свою шейную косынку, станет отсмеиваться в платочек вместо всякого ответа на нежности вежливого жениха! Да и красота ее, мне кажется, *est une chose sujette a caution**: тетушка моя не великий знаток в этом деле, если судить по тому, что она считает красавицею свою Вареньку - бледную, бесцветную девушку, с тупыми глазками и волосами неопределенного цвета...

Да, мой друг! Так я писал к тебе, так я ду-

мал за три недели... Не знаю, какими судьбами позабыл я отправить письмо мое в город на почту; оно завалилось на письменном столе моем - и вообрази вчерашнее мое удивление! Нахожу это не совсем dokonченное письмо (вероятно, сон помешал мне дописать его) на своем письменном столике. Не решился, однако же, послать его к тебе в прежнем виде - оно было бы анахронизмом чувств и понятий моих о некоторых предметах; ни вовсе истребить его - во-первых, из самолюбия, в силу которого я оправдываю, применяя к себе, русскую поговорку: "что написано пером, того не вырубишь топором"; а во-вторых, и для того, чтобы ты в полном историческом очерке видел все похождения твоего друга, тогдашний и нынешний образ его мыслей.

Вот тебе короткий отчет за последние три недели здешней моей жизни. Тетушка чаще и чаще начала ко мне приставать с своими предложениями о сватовстве; я отшучивался - и нередко приводил в досаду эту добрую родственницу либо гордыми моими надеждами, либо умышленным унижением, которое казалось ей паче гордости. "И, племянни-

чек! - возражала она. - У тебя, право, семь пятниц на неделе: часом и принцесса вавилонская тебе еще неровня; а в иное время ты готов божиться, что не смеешь и подумать о сельской дворяночке, у которой каких-нибудь тысяч десяток годового дохода. Чем ты не жених хоть бы какой невесте? И молод, и пригож (тут, разумеется, я усмехаюсь и охорашиваюсь), и в чинах, и в почестях: благодаря бога, уж надворный советник, имеешь Владимира в петличке... Бывал и в чужих краях; говоришь по-французски и по-немецки, да и еще, может быть, на каких языках; танцуешь так, что у нас никому и во сне не приснится... Право, ты хоть кому партия". Что против этого возражать? Тетушка, по своей провинциально-женской политике, так ловко умастила мое самолюбие, что я, волей и неволей, дал ей слово посмотреть невесту, живущую отсюда верст за двадцать; выпросил только себе, по возможности, самый долгий срок до этого смотра, именно до июля месяца.

Он был, однако ж, не за горами. Прошел и столько желанный мною Петров день. Я осмотрел любимое мое кухен-рейтерское ру-

жье - добычу карточной сделки с неутомонным нашим шалуном Ключкеревским, - взял Мельмота с собою и пустился кружить по рекам, лугам и болотам. Первый мой выход был очень удачен. Я, правда, не застрелил ни мошки, дал десятка два пуделей¹ на ветер; зато свел предорогое знакомство. Вообрази себе: иду по одному болоту - и вдруг вижу, в нем барахтается какое-то животное, отчасти похожее на человека. Подхожу ближе - точно: огромная голова с плоским лицом, забрызганным болотною грязью, и с волосами, на которых буйные движения тела и самовольство ветра поставили самую забавную прическу, - эта голова билась вверх и вниз на широких плечах, кои до половины уже уходили в топкую тину. Нечего было церемониться: я остановился подле, на большой и твердой кочке, ухватил обеими руками голову за волосы и потянул вверх изо всей силы. Голова пыхла, кряхтела и, вероятно, делала самые странные рожи, ибо Мельмот, присевший на другой кочке, прямо против лица ее, в продолжение геройских моих усилий был во все горло, как перед смертным часом. Наконец напряжен-

ные мои усилия увенчались желаемым успехом: я вытащил человеческую фигуру самого огромного размера - почти в сажень, с атлетическими формами, которые под густыми слоями облепившей их тины казались еще тучнее и несвязнее. Признаюсь, я, в заключение доброго моего дела, чуть не захохотал под нос этому живому подобию египетских термов, когда оно, выпрямившись передо мною, испустило такой вздох, от которого гул пошел по всему болоту, и потом, думав обтереть себе лицо, принялось еще больше марать его грязными своими руками. К счастью, мысль, что оба мы стояли на самом зыбком подножии, потому что кочка начала уже колебаться от двойной ноши, - эта мысль в самую пору промелькнула в моей голове. Я подал знак моему болотному мужичку - и мы давай переступать с кочки на кочку, пока совсем не выбрались из болота. Тут мы оба растянулись отдыхать на одном береговом холмике, однако же в почтительном расстоянии друг от друга. Через несколько минут болотный мужичок натерев травы и принялся обтирать с себя тину, а Мельмот около него прыгать и лаять. Сколько

безмолвный мой незнакомец ни покушался снять с себя платье - все было напрасно: оно, пропитавшись насквозь вязкою грязью, как будто бы приросло к его телу. Новое явление! Новая потеха мне и новые хлопоты Мельмоту, qui faisait la mouche du coche dans tout le cours de cette affaire: болотный мужичок, чтоб освободить свою спину от грязи, начал кататься по траве, как бочонок, а Мельмот лаять и прыгать, а я - я не вытерпел и захохотал от полноты нежданного удовольствия. Этим еще не кончилось: мой знакомый незнакомец сбежал с пригорка вниз, зачерпнул полугрязной воды в болотной луже, умыл себе руки и лицо, обтер их травой - и сделался полосатым... да, полосатым! По сероватому полю несмытой грязи явились у него на лице зеленые полосы от травяного соку. Кто бы не подумал, что это истинно болотный мужичок, то есть дух, вылезший из самого дна тины?

В таком виде предстал он перед мои светлые очи (говоря языком наших летописей), и тут впервые разверзлись уста его для изъявления мне благодарности. Вот тебе слово в слово этот образчик тинного красноречия:

- Хотя я не имею чести знать вас, батюшка, а все же не меньше того покорнейше вас благодарю за то, что вызволили меня из этого омута... Такая беда! Нелегкая занесла меня в болото, глядь - ан тут куличок перебегает да переле-тывает с кочки на кочку; я за ним - он дальше и дальше. Зло меня взяло, не отстаю от него; вот и подкрался, ступил, кажись бы, на твердое место и попал на трясину; ноги-то мои и стали уходить в топь. Ах ты, проклятый! - молвил я с сердцов и хватъ из ружья по куличку; он улетел - а подо мною все так ходенем и заходило, я и врютился по пояс. Ну, давай биться, возиться: думал ружьем достать до дна, чтоб оттолкнуться,- куда тебе! И ружье ушло в тартарары, чертям на потеху... А жаль! Ружье-то было Лазаря Лазаринова и досталось мне по наследству еще от покойника дедушки. Кабы в нем не расстрел да не раковины - и цены б ему не было: промаху бы не дал! Да уж, видно, так ему на роду написано: не лезть же мне за ним в омут! Благодаря бога, есть еще и кроме этого у меня дома дробовиков да винтовок с полдюжины, побольше... Ну, так я погоревал, да и снова принялся

выбиваться из тины; не тут-то было! Я чтобы вон,- а меня словно лукавый тянет за ноги, все глубже да глубже... Не насуньтесь вы - так бы меня поминай как звали!

- А как вас звали и зовут? - спросил я, чтобы положить предел этому потоку красноречия.

- Авдей Гаврилов сын Кочевалкин, сударь, к вашим услугам: так меня зовут хорошие люди,- отвечал он.

- Послушайте, почтенный Авдей Гаврилович! Вам надобно поскорее добраться до своего дома, переменить платье и белье, вытереться ромом или одеколоном и успокоиться...

- Где у нас, батюшка, тратить ром на такую дрянь? А об ладиколони-то мы слышать - слышали, только, признаться, в глаза-то не видывали. Вот я велю истопить баню да вытрусить тройником, настоенным на стручковом перце, - так все как с гуся вода.

- Хорошо, только пойдём. Я вас проведу до самых ваших ворот; боюсь, чтобы вы после такого купанья не занемогли или не ослабели дорогой.

- И! Не в том сила, батюшка! А все-таки пойдете-с. Вы мой благодетель, так сказать, попросту, спасли мне жизнь, и я хочу вас угостить на славу.

Любопытство подстрекнуло меня узнать покороче моего чудака, его житье-бытье и угощение на славу: я не отговаривался и пошел с ним. Признаться, и голод начинал со мной заговаривать; я зашел верст за пятнадцать от дома моего дяди, а на часах было уже около половины третьего. Через час времени мы подошли к роще; тут мой вожатый признался мне, что ему совестно было идти селом в этом виде, и потому он взялся провести меня к себе в дом околицей и огородами. Мы побрели по узенькой лесной тропинке. Вдруг навстречу нам с перекрестной дорожки порхнула, как птичка, молоденькая девушка в ситцевом платъице цвета Robin-des-bois, с разгоревшимся от бега лицом и разметанными черными, как смоль, локонами, с черными глазками и быстрым взором. Миловидное личико ее с каким-то лукавым выражением обратилось на бедного моего спутника, и глаза ее впились в его разноцветное подобье.

Красавица, как видно было, узнала в моем болотном мужичке своего деревенского соседа - и не могла удержаться от смеха, обнаружившего ряд прекрасных зубов, ровных и белых, как нитка отборного жемчугу. Потом она взглянула на меня, смешалась, покраснелась еще больше и потупила глаза. Тут только, по милости Мельмота, я заметил, что девушка была не одна: она вела на голубой ленте маленькую белую козочку. Мель-мот, натравленный на дичь, вероятно, счел и эту козочку доброю добычей и бросился было за нею; но я закричал на него, толкнул его прикладом, и он, поджавши хвост, поплелся назад.

В эту минуту девушка одумалась, поклонилась нам, почти не поднимая глаз, - и улетела от нас, как легкий весенний ветерок. Во все это время спутник мой стоял как окаменелый: стыд, что миловидная резвушка увидела его в таком непоказном состоянии, убил все другие ощущения души его и оковал все движения тела. Уже не прежде, как чрез несколько минут после быстрого побега красавицы, он очнулся, будто от тяжелого сна, и, безгласен как рыба, пошел со мною далее. Мы перелез-

ли бог весть сколько плетней и наконец вошли в сад и в дом моего чудака.

- Тимошка! Сенька! Тишка! Где вы, уроды? - раздалось громогласное воззвание моего спутника к его домочадцам.

На сей звучный призыв сбежались, разиня рот, трое оципаных холопей с самыми глупыми рожами.

- Ну, раздевать меня, чучелы; да смотрите, не жалеть ничего, рвать как попало, только скорее. Извините, батюшка! - примолвил он, оборотясь ко мне, и с этим словом скрылся в боковую дверь.

Я остался один и от нечего делать начал рассматривать комнату, в которой находился. Мебели в ней были самого старинного покроя. Пыль, плотно слегшаяся на столах и шкафах, свидетельствовала, что опрятность никогда не была одною из домашних добродетелей хозяина и слуг его. В комнате безвыгодно господствовал запах самого грубого курительного табаку. На одной стене висело овальное зеркало с деревянными розетками вокруг рам, некогда позолоченных; к другой стене прибит большой олений рог, по ветвям

коего развешаны ружья, винтовки, охотничьи ножи, пороховые рожки и прочие доспехи Нимвродов нашего Века. Сквозь разбитые стекла одного шкафа я увидел - что бы ты подумал, Александр? - полки с книгами! Судя по приемам и обращению хозяина, можно было тотчас заметить, что он человек не слишком книжный. И когда он, обмывшись и переодевшись, вошел ко мне с лицом, полным и красным, как наше петербургское солнце без лучей в знойную пору, то я не вытерпел и спросил у него: откуда к нему зашла такая излишняя домашняя утварь?

- И правда, что лишняя,- отвечал он, - да пусть их тут остаются; места не простоят. Вот видите, батюшка: у меня был дядя, книгочей, старый холостяк; от него-то по наследству и досталась мне эта рухлядь. Да я в них не больно заглядываю! Разве в зимнюю пору, когда на дворе подымется вьюга так, что света божьего не видно, и ни на охоту, ни в гости, ни к себе ждать гостей нельзя; так я, ради скуки, и роюсь в письмовнике. Вот книга-то препотешная! Каких там нет рассказней да прибауток; а песен-то, песен! Уж спасибо тому, кто ее

написал: мастер был своего дела, нечего сказать!

Нечего было и спрашивать далее. Погодя немного один из подщипанных слуг явился и прокричал таким голосом, каким псари окликают собак: "Кушанье готово!" Не стану тебе описывать ни обеда, более сытного, нежели вкусного, ни крепких наливок, которые сожгли мне всю внутренность, ни пустого разговора, который усыпил было меня к концу стола. Я рассеянно спросил сперва у моего хозяина:

- Какое это селение?

- Село Жижморово, - отвечал он.

- А кто такова эта девушка, которая встретилась с нами в роще?

Лицо моего Амфитриона вспыхнуло, глаза сжались, как у калмыка, и покрылись какою-то тусклою влагой. Однако ж он скоро оправился и отвечал:

- Девушка эта, сударь, дочка Сергея Тихоновича и Пелагеи Михайловны Бедринцовых, Надежда Сергеевна...

Вообрази себе, Александр, мое удивление! Но ты уже догадался, что это нареченная моя

невеста. Да, точно она! Не правда ли, что встреча самая романическая?

Тотчас после обеда я простился с моим болотным мужичком, пошел из селения тою же дорогой, которою он вел меня; но не встретил никого, кроме маленькой пастушки - не из аркадских: нет, эта просто пасла индеек. Возвращаясь в дом моего дяди полевыми дорожками, я думал о приключениях дня, о чудных встречах, - и, сказать ли? образ Надежды Бедрицовой поминутно оживлялся в моих воспоминаниях. До следующего письма. Прощай!

II

С последнего моего письма к тебе, друг Александр, много уплыло воды в моем жизненном потоке; много произошло перемен и во внутреннем моем мире и во внешнем, меня окружающем. Но должно рассказ мой, как говорится, начать с начала.

Я сказал доброй моей тетке, что видел мимоходом, или, чтобы точнее выразиться, мимоходом, нареченную мою невесту. Я не утаил, что в этом милом существе, с первого беглого взгляда, понравилось мне все - начиная от заманчивой наружности до детской резво-

сти.

- То ли еще ты скажешь, племянничек, - от-вечала тетушка, - когда узнаешь ее покороче. В нашем околотке, думаю, не сыщется девушки, которая была бы так хорошо воспитана, как Надежда Сергеевна. Нечего сказать: спасибо родителям и бабушке, ничего не жалели для ее воспитания. Одной мадаме, француз-женке, платится и до сих пор чуть ли не по тысяче рублей, когда не больше. Да фортепианисту, старичку немцу, также все еще идет жалованье, по 800 рублей; это я знаю из вер-ных рук, от кумы Стефаниды Васильевны; а ей как не знать, она ведь тетка Надежде Сер-геевне. Уж о том нечего и говорить, что рус-ская учительница, монастырка из Смольного, жила при ней с семилетнего возраста твоей будущей невесты, учила ее и по-русски, и чу-жеземным языкам, и рукодельям. Вот была девица предоро-гая: учена, степенна, добро-нравна! Скончалась, бедняжка, от чахотки го-да четыре тому; не случись это, уж я непре-менно бы переманила ее к себе обучать Ва-реньку и меньших детей; она же и насчет жа-лованья была незатейлива. Да! вот еще: я

чуть не позабыла сказать, что по два года ездил к Бедринцовым каждую неделю танцмейстер от князя Драгольского, тот самый, что и княжон учил, и брал чуть ли не по 15 р. за вечер; да в своем экипаже должно было приводить и отвозить его. Видишь ли, друг мой, что в воспитании Надежды Сергеевны ничто не было упущено...

Подробности сии произвели во мне впечатление совершенно противное тому, которого ожидала добрая моя тетушка. Тот же демон, который прежде восставал во мне против благовоспитанных провинциалок, снова начал мне нашептывать свои злорадные внушения. Пусть она, - думал я, - мила и резва явилась передо мною в роще.

Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты; но то было в роще, а не в гостиной. Там не ждала она посторонних глаз, и даже громкий, сердечный смех ее вызван был невольно чудовищною образиной моего болотного мужичка. То ли увижу я в гостиной? О, верно нет! Там безжалостный корсет сжимает вместе с вольными формами тела и нравственные способности областной красавицы.

вицы. Неуместное щегольство нарядов, их пестрота дурного вкуса, их странный покррой - жалкое, уродливое подражание неудачным картинкам мод, рассеваемым по провинциям московскими журналами, - все это отнимает свободу движений, подчиняет девиц какой-то жеманной церемониальности и наводит тоску на опытного наблюдателя, привыкшего в столицах видеть торжество вкуса и ловкости. Прибавим к этому разговор вынужденный, неохотный, тощий мыслями и даже остроумием; статуйное выражение лиц, неподвижные либо бессмысленно кочующие взоры, однообразную, неприятную ужимку губ; неразвязную походку... Горе, горе нашему брату, который попадетя на бал или званый вечер сельских помещиков, когда притом еще затеются танцы! Это не торжество, а сущая пытка и конечное уничтожение для деревенских барышень!

Скоро мне представился случай поверить очными наблюдениями сии размышления. Тетка моей нареченной невесты и задушевная приятельница моей тетушки, Стефанида Васильевна, вероятно сговорясь, с кем надле-

жалю, на женском конгрессе, вздумала созвать к себе соседей на обед и вечеринку с танцами. Предлогом сего пиршества был храмовой праздник в ее приходе. Разумеется, я был в числе званых и, может быть, избранных. Нечего делать! Я отправился к ней со всею семьей моего дяди, в огромной линейке, величиной с петербургский омнибус... Впрочем, не ожидай от меня подробной картины сельского бала: прочти в пятой главе "Онегина" от 25 до 44-й станцы - и поверь мне на слово, что храмовой праздник в доме будущей моей тетушки Сте-фаниды Васильевны немногим отстал от именинного пира в доме Лариных. Тут все было в лицах:

Лай мосек, чмоканье девиц.

Шум, хохот, давка у порога.

Поклоны, шарканье гостей,

Кормилиц крик и плач детей

- Тут были и Буяновы с усами, шпорами, в картузе с козырьком, и уездные франтики Петушковые, и пр., и пр.- всех не припомнишь. Не думай, чтоб я, по следам нашего любимца поэта, решился тебе рисовать карикатуру сельского бала: нет! оно точно так бывает и

точно так было у Стефа-ниды Васильевны. Сельский бал есть настоящая выставка областных франтов, или (назову их именем, еще не увядшим в провинциальном словаре) петиметров: здесь они отличаются, елико возможно. Люди степенные и неглупые здесь непоказны и незаметны: они скрытно сидят по углам и разговаривают вполголоса. Но пустоголовые щеголи вертятся по комнатам, часто с припрыжкой, павлинятся, шумят и сполна выказывают все свои мелкие претензии на ловкость, любезность, ум и тому подобное. Так именно было и здесь, и едва ли где бывает иначе, кроме нескольких знатных домов, поселившихся в деревнях и умеющих давать или поддерживать свой тон в кругу того общества, коим они, волей и неволей, должны были окружить себя за неимением лучшего.

При моем появлении поднялся шепот между знакомыми и незнакомыми мне лицами. Вслед за сим посыпались отовсюду рекомендации смешно разряженных франтов и добрых почтенных старичков, имеющих дела в Петербурге и воображающих, что надворный советник и кавалер, служащий или служив-

ший в одном из министерств, - бог весть какое значительное и всеведущее лицо в Петербурге! Ты знаешь, что я отчасти люблю позабавиться насчет ближнего: в этом грехе принесу я чистосердечное и полное покаяние тогда, как мне стукнет за сорок лет. Как скоро выписанные из города музыканты заиграли польский, я подошел к будущей моей невесте, повел ее, - и все пары за мною. Я отпер двери, ведущие в сад, и повел мою даму по аллее из вишневых деревьев, - и все пары за мною. Не подумай, однако же, чтоб это было впотьмах или чтобы для этого нужно было освещение: нет, мой друг! Бал открылся в шесть часов пополудни; а в июле, ты знаешь, в эту пору еще день на дворе. Я шел нарочно тихо и завел с моей дамой разговор по-французски. И что же? Ведь я жестоко отгадал! Только - ouï или поп*, едва выдохнутые из волнующейся груди и произнесенные робким голосом, были мне ответом. Я провел Надежду Сергеевну по всему саду, наговорил ей бездну так называемых *des jolis riens*, приводил ее в поминутное смущение, слушал ее молчание или односложные ответы - и с тем отвел ее в комнаты. Тут-

то пошла шепотня между старушками и молодыми, дамами и девицами, даже между уездными франтами! Кажется, все решили в один голос: быть делу так! По крайней мере это заметно было из лукаво-убежденных взоров, бросаемых на меня и Надежду Сергеевну, которая попеременно бледнела, краснела и смущалась больше и больше. Я смотрел на все собрание с довольным, отчасти насмешливым видом, *comme si je leur disais: vous etes bien dupes, messieurs, et vous serez bientôt penauds*. Сия наступательная осанка подействовала: все снова поглядывали на меня, но после уже не перешептывались.

Я подошел к музыкантам и велел им играть французскую кадрили. Они отрыли какую-то старинную, *du temps du roi Dagobert*, - и смычки завизжали. Я поднял Надежду Сергеевну; боязливо и с запинкой - она, однако же, пошла со мною. Несколько самых неустрашимых франтов пустились ангежировать дам - как они говорят на степном своем наречии; но из девиц едва немногие, и то с крайнею в себе неуверенностию, отважились на сей подвиг. Кадриль насилу наполнилась.

Ах, Александр! Для чего тебя со мною не было! Как бы ты полюбовался мною, когда я прехладнокровно выпускал балетные прыжки в этой кадрили и после в мазурке! С каким душевным удовольствием подслушал бы ты звуки удивления и восторга, раздававшиеся вокруг меня из толпы отовсюду сбежавшихся зрителей: "Черт знает!.. Чудо!.. Вот лихо-то!.. Вот как должно танцевать!.." Наконец, как бы ты порадовался, глядя на областных франтиков, когда они, стараясь подражать моим прыжкам (коим, *par parenthese*, придумывал я самые затейливые названия: *pas de chamois*, *pas de gazelle*, *pas de bedouin*), - как эти франтики, говорю, переплетали ногами, путались и чуть не падали носом об пол!.. Этот вечер был истинно моим. Желание порезвиться и закружить головы уездных любезников было для меня вдохновением. Я болтал по-французски, говорил самые вычурные комплименты дамам, картавил, как французик из Бордо,- и достиг своей цели.

Между сею своенравною блажью я, однако же, весьма пристально посматривал на Надежду Бедринцову. Она, правда, тоже искоса

на меня поглядывала, но робко, застенчиво и тотчас отводила глаза на сторону, как скоро они встречались с моими. В ней не было ни искры одушевления, и мечта моя погибла невозвратно. Вот благовоспитанная провинциалочка! - твердил я сам себе. - Она мила только одна, глаз на глаз с своею козочкой и заочно от маменьки, а еще больше от посторонних. Даже наряд ее, впрочем не имевший в себе ничего странного или резкого, мне не нравился. Это белое платье, щепетко наде-тое; эта затяжка, придающая непривычному к ней телу вид парижской модной куклы; эти варварские рукава а l'imbecile, окутывающие, как мешки, плечи и руки, верно круглые и полные; это каньзу, самая невыгодная для стройного стана выдумка причудливой моды - все это казалось мне докучным саваном, в который как будто бы завернуто было неодушевленное тело юной и прекрасной по-койницы.

Короче, я был доволен и недоволен моим вечером. Доволен собою, потому что дурачил-ся и других дурачил вволю, - и недоволен тем, что ни для ума, ни для воображения, ни для

чувства моего не было здесь пищи. В речи провинциальных помещиков я не вмешивался:

Их разговор благоразумный

О сенокосе, о вине,

О псарне, о своей родне грозил мне совершенным усыплением. К счастью, балы деревенские не то что столичные: в одиннадцать часов мы отужинали, а в первом все разъехались, кроме двух или трех дальних семейств, кои остались ночевать.

- Что, какова невеста? - спросила меня тетюшка на другой день.

- Она такова, как я ожидал: деревенская барышня, жеманная, застенчивая - и только! - отвечал я убийственно решительным тоном.

- Ох вы, светские пересмешники! - возразила тетюшка с досадой. - Коли уж это не милая и не достойная девица, так кого же вам надобно? В самом деле, княжон да графинь или французских ветрениц, что ли?

- Ни тех, ни других, а просто девушку, которая не сидела бы, как истукан бездушный, или в танцах не выпрыгивала бы, как марионетка в кукольной комедии.

- Мы не выдывали ни ваших марионеток, ни кукольных комедий. Вы их знаете - вам и книги в руки. Мы знаем только то, что девушка, у которой десять тысяч наличного дохода, да впереди еще столько же; девушка, которая и не глупа (заметь это выражение: тетушка не смела уже предо мною сказать: умна), и хорошо воспитана, и пригожа, и рукодельна... ну, словом, такая девушка, как Надежда Сергеевна, хоть кому так невеста.

- Желаю ей сыскать себе достойного жениха. Что до меня, то, кажется, меня должно вычеркнуть из списка.

Тетушка промолчала и надулась, и мировая у нас была заключена не прежде, как тогда, когда я согласился ехать к Бедринцовым, которые звали обедать дядю со всем его семейством - и с гостем. У них я снова встретился с приятелем моим Авдеем Гавриловичем Кочевалкиным, но уже не в образе болотного мужичка, а во всем блеске сельского щеголя: в темно-сером фраке, ярко-планшевых панталонах, пестром бархатном жилете и черном шейном платке. Он подошел ко мне как старый знакомец, с распростертыми объятиями,

и шепотом просил меня не намекать о недавней его причине (как он изъяснялся), прибавив, что он упросил и Надежду Сергеевну молчать о встрече в роще. Обед продолжался довольно чинно и безмолвно; но здесь Надежда Сергеевна обращалась со мною уже гораздо свободнее, нежели у своей тетки. После стола я просил ее показать мне сад; она согласилась, но взяла с собою кузину Вареньку и других детей моего дяди. Я умышленно начал ребячиться: бегать с детьми, болтать, и между тем заводил с Надеждою Сергеевной шуточный разговор, чтобы как-нибудь сблизиться с нею и приобрести ее доверие. Я напомнил ей анекдоты об уездных франтах, виденных нами на бале у Стефаниды Васильевны, передразнивал их коверканье, их неловкие скачки и признался, что я нарочно выдумывал небывалые па и самые затейливые фигуры, чтобы привести их в искушение и сбить совсем с толку. Она смеялась от души, сказала, что еще тогда отгадала мое намерение, - и разговор наш оживился, пошел веселее и веселее и, наконец, дошел до некоторой степени откровенности. Он был прерван самым за-

бавным явлением. Болотный мой мужичок, пыхтя и шагая исполинскими своими шагами, спешил к нам и бросал на нас недоверчивые взгляды, в которых ясно отсвечивались подозрение и зависть. Я тотчас догадался, что это значило.

- Вы здесь прохаживаетесь, сударыня Надежда Сергеевна!- сказал Авдей Гаврилович, подошед к нам. - Конечно-с, - продолжал он, придавая словам своим какую-то глупую значительность,- погода распрекрасная-с, а сад такой большой, такой славный-с.

- У всякого свой вкус, Авдей Гаврилович, - отвечала она с заметным неудовольствием, может быть оттого, что сей простак перебил разговор, более для нее занимательный. - Если б я была на вашем месте, - примолвила она веселее прежнего,- то, может быть, выбрала бы себе для прогулки какое-нибудь поле либо топкое болото...

Проговорив эти слова, она бросила на Авдея такой взгляд, что как ни прост мой болотный мужичок, однако понял ее намерение и тотчас закусил себе язык. Мы пошли далее; он от нас не отставал. Я начал говорить с На-

деждою Сергеевной по-французски; Авдей Гаврилович, который, кроме провинциально-го своего русского наречия, не грешен ни в одном языке живом или мертвом, молча глотал свою досаду. Надежда Сергеевна становилась час от часу развязнее, час от часу милее. Что еще сказать тебе? Я был очарован ею; заметил в ней искры оригинального, отчасти колкого ума, заметил в ней чувствительность непритворную и еще одно свойство, которого давно ищу я в женщинах: неподдельную откровенность, легко пробуждаемую тем, к кому начинает она питать доверие. Прибавь к этому веселый нрав, живое воображение, какое-то увлекательное, детское добродушие в речах; прибавь к этому невысокий, но стройный стан, прекрасные черты лица, приятную улыбку, большие черные глаза с одушевленным, выразительным взором... Не довольно ли было всего этого, чтобы вскружить мне голову?

Решено: я женюсь на ней! Но неужели мне поддаться воле дядюшек и тетушек, жениться так, как женятся Иван и Яков и все имена провинциального списка?.. Нет, это было бы

очень скучно! Церемонное сватовство, бесконечные переговоры о приданом, условия об отношениях к тому или другому из родни; далее: свадебные обеды, пиры, визиты - какой неистощимый запас скуки и принуждения! Надобно взяться за ум и устроить все по-своему.

Знакомство мое с домом Бедринцовых связывалось теснее со дня на день. Я часто уходил от дяди рано поутру, в щеголеватом моем охотничьем платье, с ружьем на плече и с верным моим спутником Мельмотом. Не думая ни о дичи, ни о лугах и болотах, я отправлялся ближайшими тропинками прямо в Жижморово, иногда прямо в сад Сергея Тихоновича и всегда заставал там Надежду в сиреневой беседке за рукодельем или с книгой. Я еще не намекал ей о любви; но мы без объяснений понимали уже друг друга. Однажды шутя навел я разговор на болотного мужичка и сказал Надежде, что, кажется, он влюблен в нее. Она усмехнулась; но не показывала никакого смущения. Тут я начал остриться насчет этого забавного воздыхателя; но Надежда Сергеевна не отвечала на мои шутки и,

приняв на себя вид простодушно-степенный, сказала кротким голосом:

- Мне кажется, грех шутить над чувством даже такого человека, в пользу которого ничто не говорит: ни ум, ни воспитание. Чувство дело невольное; за что же делать посмешищем того, кто, по простоте своей, не умеет его ни выразить, ни утаить? Он жалок, а не смешон.

Я поцеловал руку милой моей собеседницы. Раз> свор, начатый мною отчасти с коварным намерением, вскоре превратился в пламенное излияние души. Между нами все еще не было ни слова о любви; но уже Надежде не оставалось более никакого сомнения в моих к ней чувствованиях; и с моей стороны в ее взорах, в голосе, в самом волнении ее груди читал я лестное для меня убеждение: она любит - и любит меня!

Спустя несколько дней шел я в Жижморovo знакомыми тропинками; уже я пробирался рощею, как услышал позади себя шорох тяжелой походки. Я оглянулся - и в двух шагах от себя увидел Авдея Гавриловича. Заметно было, что он догонял меня. На плече у него ле-

жало огромное ружье, не меньше семипяд-ной пиццали сподвижников Богдана Хмельницкого.

- Желаю здравствовать! - сказал мне чудак, поровняв-шись со мною. Куда бог несет? Ну да, правда, нечего и спрашивать: к Сергею Тихоновичу, или, еще вернее, к Надежде Сергеевне, - в добрый час молвить, в худой помолчать!

Мне не понравились ни неуместные допросы и догадки, ни голос моего зверовидного Нимврода. Я отвечал сухо:

- Иду куда мне вздумается. Верно, вам меньше всех обязан я отдавать в этом отчет! - С сими словами я пошел было далее.

- Пойдите! - проговорил он, схватя меня за руку с явным смятением, выразившимся в его голосе, взгляде и невольном трепете руки. - Погодите на минуту, батюшка Лев Константинович! Я... Мне бы хотелось перемолвить с вами... Дело такое, как покойник мой батюшка говаривал - казусное... что истинно не знаю, с чего и начать... Ну, да уж коли на то пошло! Я, грешный человек, каюсь, хотел было вас подстрелить из этого ружья...

- Вы? Меня застрелить? - вскрикнул я, громко засмеявшись. - Помилуйте, любезный Авдей Гаврилович! Я никак не ждал бы от вас такого душегубства.

- Да, так: видно, бог сохранил и вас и меня от напасти. Три дня ждал я вас на том болоте, что, знаете...

- И могли бы три года ждать понапрасну: я туда больше не хожу...

- А вот сегодня ждал и в роще, - подхватил он. - Сижу здесь спозаранку. Да такая тоска напала, что хоть самому в воду. Смотрю: вы идете - у меня и совсем руки опустились!

- Да за что же в вас поселилась такая ненависть ко мне? Кажется, я вам худа не желал и не сделал.

- А вот видите, батюшка: вы учащаете к Сергею Тихоновичу и Пелагее Михайловне, а пуще всего, я не раз подглядывал, как вы глаз на глаз ходите по саду либо сидите в беседке с Надеждою Сергеевной...

- Только-то? - перервал я со смехом.

- А разве этого мало? - подхватил мой чудак с необыкновенным жаром, которого бы я в нем и не подозревал. - Скажу вам, батюшка,

что вот уж года полтора, как я сплю и вижу, чтоб жениться на Надежде Сергеевне; и нынче только ждал Покрова, чтобы заслать сватов к ее родителям... Да на беду мою тут вы подвернулись.

- Так вы не на шутку влюблены в вашу пригожую соседку?

- Да так, батюшка, что, истинно говорю, хоть от хлеба отступиться. Ни день, ни ночь покоя не вижу: все она в глазах мерещится.

- А любит ли она вас?

- Ну, бог весть! Лишь бы согласилась идти со мною под честной венец; а там - поживется, слюбится!

- Послушайте, любезный Авдей Гаврилович! - сказал я, переменив шутливый тон на важный. - Я вам скажу чистосердечно, что ни Надежда Сергеевна вам не невеста, ни вы ей не жених.

- А почему ж бы так?

- Потому, что она девица образованная, напитающаяся из книг такими понятиями, которые вовсе вам незнакомы; она желает найти в будущем своем муже равного себе по воспитанию и понятиям человека, который ввел

бы ее в свет и с которым ей не стыдно б было показаться в свете. Положим, что ее выдали бы за вас; но она не стала бы вас любить, смотрела бы на вас косо, даже с пренебрежением; ни одной добровольной ласки вы не могли бы получить от нее... А что за ласки, которые должно брать с бою?

- Ох! Правда...

- Слушайте далее. Вы сами согласитесь, что она вас умнее. Представьте же себе, какова была бы жизнь ее и ваша, когда ни по уму, ни по привычкам, ни по воспитанию вы не могли бы сказать двух слов в лад с своей женою? Вы приходите домой с охоты: жена ваша сидит в углу и хмурится; вечером она молчит, вы также, потому что вам не о чем говорить с нею; оба вы зеваете и не знаете, куда деваться от скуки. Ваше общество ей не по нраву; ее общество, если б она могла выбрать его по своим мыслям, тоже было бы для вас тягостно: там говорили бы о таких предметах, которые вам непонятны. Словом, вы, муж и жена, были бы совершенно как чужие друг другу.

- Правда, правда, батюшка! - сказал Авдей Гаврилович с тяжелым вздохом.

- Скажу вам еще более: мне известно, что ни родители, ни родственники Надежды Сергеевны ни за что не выдали б ее за вас; об ней самой и говорить нечего: она ищет мужа по себе. Во всем этом могу вас уверить моею совестью; мне не раз случалось это слышать от них самих.

- Экая притча! Вот об этом-то я сперва и не подумал...

- Я все высказал, чтобы предостеречь вас от позднего раскаяния, продолжал я, смотря ему прямо в глаза. - Теперь, не хотите ли? мы пойдем вместе в самую чащу этого леса - ну, словом, туда, куда почти никто не заглядывает: я стану у дерева, а вы приставьте мое ружье к моей груди или к сердцу и выстрелите... Никто не услышит выстрела, никто не увидит убийства, и если со временем отыщут мое тело, то подумают, что я сам застрелился по неосторожности.

- Что вы это, батюшка! - вскрикнул он, задрожав всем телом и уронив свое ружье; лицо его стало бледнее полотна. - Чтоб я принял такой грех на душу! И над кем? Над моим благодетелем, который вызволил меня от на-

прасной смерти! И из-за чего? Из сущих пу-
стяков, из небывальщины, из-за такой неве-
сты, которой бы мне не видать, как ушей сво-
их! Сами же вы, отец мой, спасибо, меня надо-
умили.

- Да ведь вы хотели же меня застрелить?

- Ну, винюсь, батюшка: попутал было лука-
вый; да, видно, бог моим грехам терпит и не
попустил на злое дело. Я того только и ждал.

- Точно так, любезный Авдей Гаврилович, -
сказал я моему кающемся убийце, - грех был
бы тяжкий, а пользы для вас от него не было
б; не лучше ли жить нам в миру, нежели ссо-
риться, как вы говорите, из небывальщины?
Знаете ли что? Добрый мир не бывает без вза-
имных услуг и подарков; вы жалели недавно
о своем лазариновом ружье: вот вам мое ку-
хенрейтерское: в Петербурге знатоки ценили
его очень дорого; но мне оно теперь не нуж-
но, а продать его я не намерен; лучше пода-
рить доброму приятелю...

- Как же это, батюшка? Да ведь ваш Семен
сказывал мне, что за это ружье вам давали
шестьсот рублей и вы не взяли. Воля ваша, за
что мне принять такой дорогой подарок.

- Возьмите, если хотите меня одолжить. Я уж вам сказал, что не продаю его, а оно мне не нужно. В ваших руках оно лучше будет выполнять свое дело, чем у меня, вися на крючке.

Лицо моего Авдея прояснилось и осклабилось, по возможности, самую приятною улыбкой. Он принял от меня ружье и благодарил меня, как будто бог знает за какое благодеяние.

- Чем могу вам отслужить, мой милостивец, за все ваше ко мне доброжелательство?

- А вот чем: в тот день, который я назначу, соберите у себя человека три-четыре ваших приятелей, из дворян здешнего околотка, и ждите от меня вести... Я скажу, что вам делать.

- Готов за вас на жизнь и на смерть, милостивец. И как не служить вам верой и правдою? У меня бродили против вас так же шальные мысли; а вы не только не гневаетесь, да еще хотите мне добра и дарите меня таким дорогим ружьем, какого мне и во сне не снилось!

Мы расстались. Я пошел к Бедринцовым, а

он, обременяясь двойною ношей, пустился бродить по лугам и болотам.

Я позабыл тебе сказать, что, кроме родителей моей невесты, все в доме меня полюбили: старый учитель музыки, виртембергец, и гувернантка Надежды, швейцарка из Лозанны, сорокалетняя щеголиха и говорунья, - от меня без памяти. С первым говорю я о берегах Некара, о Штутгарте и его Anlage, о Гейслингенской долине: с другою - о прелестях Швейцарии, о Женевском озере, о Лозанне и ее окрестностях. Местные сведения и знакомства помогают мне в этом случае так, что я каждого из моих чужеземных собеседников переношу воображением на его родину.

Приязнь ко мне madame Fredon (имя швейцарки) и ее откровенность - а может быть, и просто болтливость - до того простираются, что она, без всяких с моей стороны расспросов, часто пересказывает мне все, что делалось и говорилось в моем отсутствии. Таким образом она мне открыла, между разговорами, когда Надежды не было с нами, что отец и мать моей невесты во время какого-то молебна в их доме уже говорили с священником о

близкой свадьбе их дочери и наименовали меня будущим своим зятем. Это подало мне мысль сыграть шутку с ними и с хлопотливою моею тетушкой. Я молчал, как будто ничего не зная; отстранял всякие намеки о формальном сватовстве, ходил и ездил в дом Бедринцовых запросто, но все еще не в качестве записного жениха. Такие поступки мои приводили в крайнее недоумение стариков Бедринцовых и всю родню их и мою. Что касается до Надежды, она, кажется, всего ожидала от времени и от власти, которую видимо приобретала в моем сердце и которая не могла утаиться от взоров сметливой девушки.

Настал день ее именин (17 сентября). Нас позвали к Бедринцовым на семейный обед. Здесь мы застали почти всю их родню, но никого из посторонних. Казалось, все к чему-то готовились. После обеда я завел какой-то незначительный разговор с Надеждой; нас, как нарочно, все оставили вдвоем. Когда за благовестили к вечерне, я сказал Надежде:

- Сегодня ваши именины, и на вас никто не может сердиться, чтобы круглый год вам не видеть никакого огорчения. Согласитесь

на одну шутку, которою, верно, родные ваши не будут недовольны. Делайте только безоговорочно то, чему я буду подавать пример.

Она усмехнулась и в знак согласия подала мне руку. Мы пошли вместе в ту комнату, где сидели ее и мои родные. Я подвел Надежду к ее бабушке и с шутливой важностью просил ее благословить нас на брак. Надежда смешалась; старушка удивилась, однако же благословила нас. То же самое и таким же тоном повторил я, подводя по порядку невесту мою к ее родителям и к моим дяде и тетке, которых просил заступить для меня место отца и матери. Отказа ни от кого не было, но все удивлялись, поглядывали на нас отчасти недоверчиво, а Надежда изменялась в лице и дрожала. После сего обряда я сказал Надежде:

- Теперь мы можем идти - прогуляться,- накинул на нее шаль, подал ей руку и повел ее в сад.

Никто за нами не следовал, ибо такие наши одинокие прогулки были не в диковинку. Я отпер наружную садовую калитку и повел мою спутницу по селению мимо церкви.

- Зайдем в церковь и отслушаем вечерню, -

сказал я Надежде.

Она безмолвно согласилась, но рука ее дрожала в моей. В церкви нашел я четырех приятелей моего болотного мужичка, с утра мною предуведомленного; но сам он не явился. Я оставил трепетную девушку, начинавшую нечто подозревать, среди церкви, а сам отправился в алтарь. Там всею силою логики, риторики и других вспомогательных средств убедил я священника, знавшего, впрочем, что намерение мое не было противно родителям Надежды. Погодя немного дьячок вызвал по одиночке четырех дворянчиков - и все было готово. Вечерня между тем кончилась. Я подошел к Надежде и объявил ей, что нам теперь же должно обвенчаться, чтоб избавить родителей ее от лишних хлопот, а меня от докучных обязанностей. Сначала она было вспыхнула; но прочитав в глазах моих твердое намерение, чувствуя странность своего положения, боясь неприятной огласки и, может быть, разрыва со мною, - согласилась исполнить мое желание. Мы стали перед налоем. Двое из помянутых мною дворянчиков держали над нами венцы. Невеста моя дрожала,

как листок розы, и плакала. Обряд кончился. Я поцеловал мою супругу, поблагодарил священника и свидетелей и повел Надежду в дом ее отца. Нас ждали там с какою-то подозрительною нетерпеливостью. Вошед в комнаты, мы бросились в ноги ее отцу, матери и бабушке. Все собрание откликнулось единогласным: "Ах, боже мой!" Но тут я начал ораторствовать, увлек моим красноречием всю родню и торжественно, как Цицерон, сошел с низменной моей трибуны. Нас снова благословили, мы снова поцеловались - и родственный пир зашумел!

Вот уже две недели, как я живу в доме моего тестя. В жене моей каждый день нахожу новые приманки, новые совершенства; и если это продолжится целый год, то надеюсь обогатить русский словарь такими именами достоинств прекрасной и милой женщины, что, верно, получу медаль за услуги, оказанные отечественному слову.

Твой верный друг и пр.

Нечаянно попались мне сии два письма Льва Константиновича... фамилии не знаю, ибо под обоими было подписано просто: Леон.

Я не старался в них исправлять слога, отчасти небрежного, ни заменять русским переводом французских вставок, коими они испещрены. Подобной переписки наших светских молодых людей, пишущих нередко так, как они говорят, то есть по-русски пополам с французским, мог бы я набрать целые сто томов. Не знаю и не ручаюсь, было ли бы чтение сей переписки приятно или полезно. Эти два письма издаю в свет потому, что они заключают в себе если не занимательное, то, по крайней мере, полное происшествие.